

Единственным исключением является указанная фраза об избавлении Игоря, вероятно записанная со слов его попа, бывшего с ним в плену.

Опять-таки архаический язык былин знает именные формы «красна девица», «горючь камень», но прилагательные на -ский в них всегда в полной форме, во-первых, вследствие своего оттенка определенности, а вероятно, и потому, что они дают дактилические окончания: «стольно-Киевский», «свето-русьские». Этим дактилизмом объясняется и употребление удлинённых форм: «богатырских», «литовским». Можно полагать, что стремление к более гармоничным ритмическим отрезкам определило и дактилические концовки «Слова»: «за землю Рускую», «на землю Половецкую», «Святослав грозный великий Киевский». Заменять их краткими формами является невниманием к ритмической структуре «Слова».

Мы считаем, что в XI и XII вв. нечленные формы на -ск были редким архаизмом и что их спорадическое употребление поддерживалось авторитетом церковного, староболгарского языка. Именно в «Сказании черноризца Храбра», в похвале Кириллу-Константину, в текстах Евангелия мы встречаем «язык словеньск», «елиньск язык», «страха ради иудейска» и т. п.²¹ У нас является мысль, не есть ли одинокое «дрьжа Русьску землю» в Мстиславовой грамоте отражение болгарского стиля в великокняжеском окружении?

Живая речь той эпохи, а особенно народнопоэтический стиль предпочитал более певучие, местоименные формы. Поэтому попытка проф. Нахтигала изгнать из текста «Слова» все 60 членных форм кажется нам насильем над морфологией и ритмикой памятника и неожиданной, бесполезной его «болгаризацией».

7. После этих сравнений языка «Слова» с языком былин и Ипатьевской летописи следует обсудить еще и неуклонно проведенную издателем замену всех церковно-славянских форм со звуком «щ» и «жд» их русскими дублетами: «аче», «хочю», «стонучи» вместо «аще», «хощу», «стонущи»; «жяжею» вместо «жаждею» и т. п.

Опять-таки, сравнение с языком Ипатьевской летописи, свободной от «второго южнославянского влияния», очень поучительно. И в этом отношении ее стиль весьма пестрый: она очень часто пользуется русскими формами с «ч» и «ж», но наряду с ними в ней довольно часты и болгарские формы, очевидно, вошедшие в литературный язык той эпохи. Например, именно во второй половине XII в. мы встретим в ней и «аще» и «хощу», и притом вовсе не в рассказах с церковной окраской, а именно в прямой речи князей и светских людей. Так, новгородцы говорят в 1178 г. князю Мстиславу Храброму: «Княже, аще се богови любо», а сам Мстислав обращается к дружине: «Братья, аще ныне умрем за хрестьяны». Именно в рассказе о плене Игоря под 1185 г. сын тысяцкого и конюший говорят князю: «Поиди, княже, в землю Рускую, аще восхошет бог избавити тебя», а сам Игорь молится: «Аще спасеши мя, владыко».²² Видно, что в решительные моменты русские люди пользовались оборотами торжественного литературного стиля, хорошо знакомого им по церковной службе и по чтению псалтыря.²³

²¹ Нечленные формы на -ск типичны для древнейших церковных текстов, как Киевские глаголические листки X в., Македонские и Охридские XI в. (И. Огиенко. Памятки старо-славянської мови. Варшава, 1929, стр. 48 и сл.).

²² Ипатьевская летопись, 1871, стр. 411, 413, 438. Даже половцы говорят князьям: «а хошем с тобою ряд положити», а берендичи — «аже ны хошеши любити» (там же, стр. 379 и 343).

²³ И причастия болгарского типа часто встречаются в летописи XII в. Игорь восклицает: «Где бояре думающе, где мужи храборьствующе?» и т. п. Поэтому нас